

Матиас посмотрел в лицо матери. Видя ее такой спокойной и безмятежной, так что он мог почти обмануть себя, заставив поверить в то, что она всегда была такой в жизни, казалось для него странным.

Как необычно. Он никогда не думал, что когда-нибудь он посмотрит на свою мать и не почувствует к ней жалости, страха или отвращения. Что он может забыть женщину, которая все время плакала, женщину, которая кричала о кровавом убийстве всякий раз, когда его брат выходил из комнаты, и ей больше не нужно было притворяться, что терпит его. Женщину, которая цеплялась за него даже во сне. Которая могла, иногда, поздно ночью красться в его комнату и не отпускать его, даже если он умолял ее об этом.

Она мертва, снова напомнил он себе. Мертвые, и теперь, когда он снова контролировал свои собственные решения, никогда не возвращаются в мир живых. В какой бы ад она ни попала, лучше бы она там осталась.

Вздохнув, он посмотрел на фляжку с маслом в руке и медленно, методично распределил ее по телу матери. «Это хорошо, - сардонически подумал он, - быть аристократом и иметь возможность позволить себе такую роскошь». Он сделал то же самое с остальной частью мавзолея, прежде чем взять лампу, стоявшую на соседнем столе, и направиться к двери. Оказавшись там, он небрежно бросил его внутрь, видя, как масло загорелось и распространилось, поглощая все на своем пути. Он не оглядывался, уходя, закрыв за собой двери.

Появление отца было лишь вопросом времени. Адела сказала, что заклинанием, которое она наложила на весь замок, он не сможет проснуться в ближайшее время, но Матиас сомневался. Его отец был слишком сильным магом, более сильным, чем ученик простого некроманта, какой бы могущественной ни была ее родословная. В любой момент он проснется, то есть если вообще заснет.

Матиас остановился на некотором расстоянии от мавзолея, наблюдая за мерцающими огнями на полу, когда огонь поглотил постройку. Он стоял там, касаясь своего лба и снова думая, что не чувствует ничего особенного. Он якобы был теперь свободен, но все было так же. Тот же темный воздух, витающий вокруг него, онемение в пальцах, такое же давление в груди.

Затем снова; - подумал он самоуничижительно; не то чтобы я действительно свободен. Я только что сменил одного хозяина на другого.

Он опустил руку и посмотрел в окно в поисках Аделы.

Его отец прибыл раньше, чем он смог ее найти. Он выглядел разъяренным.

Матиас сглотнул от волнения и страха, но успокоился, поддерживая зрительный контакт с отцом, когда тот остановился в нескольких метрах от него. Он смотрел на сына, напоминая ему обо всех болезненных моментах, когда он делал то же самое в прошлом, заставляя его возродить ужас, который охватывал его всякий раз, когда его отец действительно сердился, независимо от того, виноват ли он или нет. Он всегда был тем, кто платил.

На этот раз у его отца была настоящая причина для его гнева, но Матиас притворился сильным, как и во многих других случаях, и продолжал смотреть на него, ожидая, что его отец заговорит первым.

Слова пришли спустя очень долгое время. "Что ты делаешь?"

«Разве это не очевидно, отец? Я сжигаю мать вместе с остальной частью мавзолея», - ответил он, улыбаясь, скрывая дрожь своего сердца за раздражительными, самоуверенными словами, как всегда.

«Не думайте, что это не будет иметь последствий», - сказал отец в ответ, подняв руку и сосредоточив взгляд на горящем здании. Он пробормотал несколько слов, но, в отличие от того, что он ожидал, ничего не произошло.

Он посмотрел на сына с удивлением. Матиас усмехнулся. «Ты ищешь не того человека, отец. В конце концов, я недостаточно силен, чтобы противостоять вашим заклинаниям. И даже если бы я был, ты знаешь, я не умею атаковать. Но мне приятно, что ты так высоко обо мне думаешь».

Дэниел нахмурился, рассматривая сына более подробно. «Ты сломал печать», - заявил он, когда его взгляд вернулся к лицу Матиаса.

Матиас покачал головой. «Как я уже сказал, ты слишком доверяешь мне, отец».

«Вы бы так не говорили, если бы печать не была сломана».

«Но он может сделать это, если это передано кому-то другому», - прервал другой голос, прозвучавший над их головами. И отец, и сын подняли глаза и обнаружили фигуру Аделы, сидящую на перилах одного из балконов. Она скрестила ноги и играла со своим посохом, как будто ей было скучно. «Печати и контракты - не ваша сильная сторона, да виконт?» - насмешливо спросила она.

На этот раз отреагировал виконт.

«Ты позволил некроманту повозиться с печатью?!» он подошел к Матиасу, его шаги были тяжелыми, как будто возвещая смерть и разрушение, в то время как он оставался на месте, сжимая кулаки, чтобы не сбежать. «Ты предпочел бы принадлежать грязному некроманту, чем своему собственному отцу?!»

Прежде чем он смог добраться до мальчика, перед ним появилась Адела, размахивая своим посохом и угрожая им виконту. «Этот некромант считает, что отец, дающий своему сыну печать рабства, - это грязнее, чем работать с мертвыми. Особенно когда упомянутый отец постоянно злоупотребляет своей властью. Кроме того, - она улыбнулась, наклонив голову и одарив его ангельской улыбкой; «Сам Матиас приходил умолять меня, взять его себе в игрушку. Я, некромант. Что вы думаете об этом?"

«Но ты же приходила ко мне...»

"Детали. Ты плакал от радости, когда передал мне власть печати».

Внезапно посох Аделы столкнулся с палочкой виконта, вынудив его пальто за доли секунды. Она дерзко улыбнулась мужчине перед ней, хотя ее руки дрожали. Это была демонстрация не физической силы, а магии, и она с сожалением обнаружила, что едва сдерживает его.

«О боже, уже достали большие пушки?» несмотря на это, она не могла удержаться от подстрекательства к нему. Виконт зашипел.

"Ваш учитель не будет слишком любезен для этого".

«Хорошо жить с моим учителем, это то, что я знаю точное количество воды, которую нужно влить в его напиток, чтобы он заснул, как младенец. Всегда пригодится, когда я хочу ненадолго погулять без его разрешения. Ничего не заметил даже после стольких лет, мой бедный учитель».

Виконт сузил глаза, и в долю секунды Адела другой рукой отправила Матиаса в полет.

"Беги! Я отвлеку его! Обязательно сделай то, что я тебе сказала!»

Матиас, которому удалось приземлиться на ноги на другой стороне двора, внутренне зарычал. Предполагалось, что это будет его битва, однако сила приказов Аделы была непреодолимой, как и когда-то его отца, и у него не было другого выбора, кроме как кивнуть и отвернуться.

Позади него он уже мог слышать звуки битвы.

<http://tl.rulate.ru/book/40404/1148568>